

Г. А. Гамов... заместитель директора ФИАНа

Г. Е. Горелик,

кандидат физико-математических наук
Институт истории естествознания и техники РАН
Москва

Г. А. Савина

Архив РАН
Москва

ФИЗИКИ хорошо знают, что создатель Физического института Академии наук (ФИАНа) — Сергей Иванович Вавилов, который в 1934 г. был назначен первым его директором. Не менее известно, что Георгий Антонович Гамов в том же самом, 1934 г. стал, как говорится, официальным «невозвращенцем». Казалось бы, никакой связи между этими фактами не существует. Однако в Архиве Академии наук сохранились свидетельства, позволяющие предположить, что это не совсем так. Чтобы 60-летние архивные документы заговорили ясным голосом, вкратце обрисует обстоятельства времени и места.

ЛЕНИНГРАД. 1931 ГОД

Осенью 1931-го Гамов после трехлетнего пребывания в Геттингене, Копенгагене и Кембридже вернулся в свою страну. Мировую известность ему принесла его теория α -распада — по существу первая работа в теоретической ядерной физике (даже воспетая в «Правде» Демьяном Бедным).

В Ленинграде, тогда еще научной столице страны, было несколько крупных физических институтов: Физико-технический, Оптический и Радиевый. Руководили ими академики А. Ф. Иоффе, Д. С. Рождественский и В. И. Вернадский. Кроме того, в составе Академии наук был еще Физико-математический институт (ФМИ), директором которого был А. Н. Крылов.

Нехватка научных кадров и небольшие оклады сотрудников объясняют, почему Гамов числился во всех этих институтах. Такое совмещение не мешало Гамову, вместе с друзьями-теоретиками Л. Д. Ландау и М. П. Бронштейном, вести и весьма общественный (а по мнению некоторых — антиобщественный) образ жизни. Неумная

«организационно-творческая» энергия не давала забыть их студенческое прозвище — Джазбанд и побуждала придумывать новые: Drei Spitzbuben — Три сорванца, а также Хамов, Хам и Хамелеон¹.

Социальная активность триумvirата принимала различные формы, но питалась из одного источника. Уже вполне самостоятельные исследователи, не нуждающиеся в научном руководстве, хотели вывести отечественную физику на уровень мировой. Творческое свободолюбие плюс любовь к отчизне плюс молодость (старшему из них, Гамову, было 27) и минус социальное давление (в физике гораздо меньшее, чем вне ее) — все это побуждало к действиям, весьма сильным для «нормальной науки».

Первой крупной акцией стала кампания за избрание Гамова в Академию наук. Помимо внутренней агитации, в конце ноября 1931 г. Ландау послал письма П. Л. Капице (в Англию) и Н. Бору с просьбой замолвить слово за «лучшего теоретика СССР» перед руководством Академии. От такого напора старшее поколение физиков поживалось, тем более что молодые нацелились сразу на чин академика для Гамова, в то время, как не были еще избраны, например, И. Е. Тамм и В. А. Фок.

Однако и среди старшего поколения академиков, смотрящих на ситуацию несколько со стороны, Гамов нашел больших ценителей своего таланта. Это — директор ФМИ А. Н. Крылов и особенно директор Радиевого института В. И. Вернадский. 10 декабря 1931 г. Президиум ГРИ в составе В. И. Вернадского, В. Г. Хлопина и Л. В. Мысовского постановил выдвинуть кандидатуру Г. А. Гамова в члены-корреспонденты. В физике, как в футболе, забитый гол ценится гораздо выше удачных пасов (интересующих в основном историков науки), а Гамов своей теорией α -распада

© Г. Е. Горелик, Г. А. Савина. Г. А. Гамов... заместитель директора ФИАНа.

¹ Горелик Г. Е., Френкель В. Я. Матвей Петрович Бронштейн (1906—1938). М., 1990.

забил очень красивый гол. И в феврале 1932 г. Гамов стал членкором.

Следующий взрыв социальной энергии триумvirата не заставил себя ждать. Запалом послужила статья «Эфир» в только что вышедшем томе БСЭ².

И, наконец, третья акция, в которой Гамов принял решающее участие и которая, собственно, должна считаться началом предыстории ФИАНА.

ИТЕФ или ФИАН?

С. И. Вавилов впоследствии напишет: «Весь штат... Физико-математического института состоял из директора, двух заведующих отделами и 4 научных сотрудников. Одно время (1931—1932) имелась даже тенденция к преобразованию Физического отдела в чисто теоретический центр»³.

Автором этой «тенденции» был Гамов, который в декабре 1931-го составил докладную записку о реорганизации ФМИ: «Физико-математический институт в настоящее время состоит из двух совершенно разнородных составных частей. С одной стороны, имеются отделы чистой и прикладной математики, занимающиеся, главным образом, вопросами о колебаниях — сюда же относятся некоторые экспериментальные работы, ведущиеся в Институте (например, исследование колебаний Балтики). С другой стороны, имеется группа работников, занимающихся вопросами современной теоретической и экспериментальной физики (квантовая теория строения ядра, группа экспер. работ по фотоэффекту).

Поскольку две упомянутые составные части И-та являются по существу друг с другом органически не связанными, нужно признать совершенно необходимым разделение ФМИ на два самостоятельных И-та: Математический и Физический, придавши Физическому И-ту роль всесоюзного теоретического центра, потребность какого резко ощущается в последнее время.

Предполагаемые задачи будущего И-та теоретической физики должны сводиться к следующим пунктам:

а) Разработка вопросов теоретической физики и смежных дисциплин (астро- и геофизики) на основе диалектико-матери-

алистической методологии (последние слова написаны поверх зачеркнутых «в согласии с современным материалистическим мировоззрением» — Гамову, видимо, объяснили, что он поотстал от благонадежной терминологии текущего момента).

б) Обслуживание научно-технических и исследовательских институтов не только в смысле консультаций по уже ведущимся работам, но также принятием активного участия в планировании исследовательских работ.

в) Подготовка кадров научных работников и преподавателей по теоретическим дисциплинам.

г) При И-те должен иметься специальный небольшой экспериментальный отдел для разрешения вопросов, возникающих при теоретических исследованиях. ...»⁴

События развивались энергично. В тот же день директор ФМИ А. Н. Крылов доложил этот проект в Академии. Было решено образовать комиссию из академиков и привлечь к ней Гамова; через день к комиссии был добавлен председатель — неприменный секретарь (фактически главный администратор) Академии В. П. Волгин. Так что реорганизация ФМИ обсуждалась на высшем уровне. Не безмолвствовал и «народ» — 28 декабря производственная конференция ФМИ признала разделение института необходимым.

ПЛАН «ВОЗМУТИТЕЛЬНЫЙ И БЕСТАКТНЫЙ»

В дальнейших обсуждениях камнем преткновения стало то, что для Гамова и его товарищей было как раз краеугольным камнем, — намерение создать институт, сосредоточенный на теоретической физике. В своем выступлении на заседании комиссии 28 февраля Иоффе назвал этот проект «реальной опасностью», выразил готовность выделить для ФИАНА некоторые темы и предложил Рождественскому сделать то же самое. Комиссия постановила: «Работу Института увязывать с работой ГФТИ и ГОИ на основе единого плана».

В тот же день Общее собрание АН постановило разделить ФМИ на два самостоятельных института — Институт математики и Институт физики. А на завтра Гамов, накануне 28-летия, был избран в членкоры, притом с наивысшим счетом 42:1. Тем самым, казалось бы, шансы на рождение

² Горелик Г. Е. Три марксизма в советской физике 30-х годов // Природа. 1993. № 5. С. 86.

³ Вавилов С. И. Физический кабинет — Физическая лаборатория — Физический институт АН СССР // Успехи физ. наук. 1946. Т. 28. С. 1—50.

⁴ Этот документ и выдержки из его обсуждения цит. по: Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1—1932. Д. 6. Л. 52—64.

В. Паули и Г. А. Гамов. Цюрих, 1931.

института, задуманного Гамовым, существенно выросли.

В интересующих нас событиях активное участие приняла эфемерная Физико-математическая ассоциация АН, объединившая в феврале 1932 г. ФМИ, сейсмологический, энергетический и демографический институты. Председателем ее стал И. М. Виноградов — директор математического отдела ФМИ. Заключение Ассоциации гласило: «Физический институт АН должен быть прежде всего Институтом теоретической физики с экспериментальным отделом при нем, подчиненным основным установкам Института. ...временно возложить обязанности зам. директора на Г. А. Гамова».

14 марта Президиум АН утвердил А. Н. Крылова в качестве и. о. директора, а Гамова — вр. и. о. зам. директора ФИАНа. Поскольку Крылов еще в декабре,

докладывая проект реорганизации ФМИ, категорически отказывался от директорства, можно предположить, что имелось в виду скорое исчезновение всего привеска «вр. и. о. зам.»

Неудивительно, что Гамов подготовил и план, согласно которому «Ин-т теор. физики является центральным учреждением, занимающимся разработкой основных проблем современной теоретической физики на основе материалистического мировоззрения».

В плане намечены направления исследовательской работы, для руководства которыми «в И-т приглашаются соответствующие специалисты-теоретики (Г. Гамов, М. Бронштейн, Л. Ландау, В. Амбарцумян). Кроме того, для работы в И-те необходимо привлечь одного крупного специалиста по

математической физике (которым является вне сомнений В. Фок)»⁵.

Рукописные поправки дают представление о характере обсуждений: в заголовке плана — «Институт теоретической физики (ИТЕФ)» — зачеркнуто второе слово; зачеркнут и эпитет «небольшой» во фразе «Имеющий при институте небольшой экспериментальный отдел...»; в качестве второго основного направления работы вписано: «Критический разбор существующих ныне течений в теоретической физике с точки зрения диалект. материализма».

На заседании 25 марта Иоффе назвал представление Ассоциации «возмутительным и бестактным», поскольку вопрос о Физическом институте решали «математик и сейсмолог, ничего в физике не понимающие, и еще кто-то. Нельзя допускать, чтобы в АН группа лиц проводила свои личные взгляды и решения в противоположность взглядам академиков-физиков. При выработке своего представления Президиум Ассоциации никого из физиков не пригласил»⁶. В пылу Иоффе забыл, что Гамов все-таки физик.

«В ОТДЕЛЕНИИ ... ВОССТАЛИ»

О тех же событиях говорят записи в дневнике В. И. Вернадского: «Гамов рассказывал о борьбе за Институт теорет. физики. По-вид., все физики (Иоффе, Рождественский, Мандельштам) — против. Физ. Ассоциация и молодежь — за. Теоретически правильно — но смогут ли в связи с диал. мат?

...Л[азарев] рассказывал о Гамове и Теор. Инст. физики. Все физики против. Считают, теор. физика должна всегда быть связана с экспериментом. Гамов, Виноградов, Никифоров провели через Президиум (и Ассоциацию), минуя Группу. В Отделении как будто восстали...»

Действительно, Отделение 28 марта постановило: «Признать, что задачей ФИАН является разработка наиболее общих проблем физики на экспериментальной базе; работа его должна быть тесно связана с ЛФТИ и ГОИ в порядке взаимного согласования планов»⁷.

Президиум АН 30 марта поручил Бюро Ассоциации и академикам А. Ф. Иоффе, Д. С. Рождественскому и В. Ф. Миткевичу «проработать вопрос о целевых установках

А. Ф. Иоффе в своей квартире в Лесном.

и структуре Физического ин-та, а также наметить кандидата в директора ин-та».

Поскольку имя академика В. Ф. Миткевича не найти в справочнике «Физики», нужно иметь в виду, что главный вклад этого электротехника в физику состоял в яростной защите эфира и магнитных силовых линий от новой физики.

На совещании 3 апреля представлявший академик Миткевич настаивал, что «создается не теоретический ин-т, а Физический. Всегда высшим судьей останется эксперимент». На что Гамов резонно заметил: «10 теоретиков физиков могут охватить всю физику, а экспериментаторов надо n-ное количество для этого»⁹.

Теоретика поддержал почти практик — директор Сейсмологического института П. И. Никифоров: «Экспериментальная фи-

⁵ Архив РАН. Ф. 204. Оп. 2. Д. 5. Л. 255.

⁶ Там же. Ф. 2. Оп. 1 — 1932. Д. 6. Л. 65.

⁷ Там же. Ф. 518. Ол. 2. Д. 17. Л. 46; 48 об.

⁸ ЦГАОР. Ф. 7668. Оп. 1. Д. 368. Л. 74.

⁹ Документы совещаний 3 и 14 апреля и письменная полемика цит. по: Архив РАН. Ф. 204. Оп. 1. Д. 4. Л. 9, 10; Д. 2. Л. 22.

зика требует для своей работы большой технической базы. Если развивать эту работу на базе бывш. ФМИ, то получится кустарничество. Упор надо ставить на теоретическую физику — и это будет достойным для нового ин-та. Но чего нет в плане Г. А. Гамова — это критики существующих теорий. Принимая во внимание различные философские течения, надо в плане отвести место для их критики». Соответствующую формулировку сразу же вписали в план.

14 апреля Бюро Ассоциации направило на отзыв академиком-физикам «проект целевой установки и тематический план на 1932 год Физического ин-та АН».

Первыми дали свои заключения А. Ф. Иоффе и Н. Н. Семенов. Они назвали план абсолютно неприемлемым и решительно возразили против создания Института теоретической физики вместо «института на экспериментальной базе» и даже «в основном экспериментального института, связанного четкими взаимоотношениями с Физико-техническим институтом как безусловно ведущим институтом Союза».

На это Гамов ответил:

«Утверждение о «вредности» и-та с основным уклоном в сторону общих теоретических проблем строения вещества отнюдь нельзя считать доказанным утверждением академиком-физиков, среди которых нет ни одного теоретика. Утверждение это проводится ими вопреки мнению других академиком и общественности института (необходимо отметить, что предлагаемый план был полностью принят на общем собрании сотрудников института)...

Зам. директора Г. Гамова».

С физтеховскими отзывами вполне сошлось мнение Рождественского: «Предложенный план работ идет самым решительным образом против единодушного мнения всех академиком-физиков... Физический институт должен быть институтом экспериментальным, а не теоретическим. Это мнение было подчеркнуто, так как были физики (Г. А. Гамов и др. теоретики), которые желают строить Физ. инст., как теоретический институт».

«НЕОБХОДИМО ПРИВЛЕЧЬ АКАДЕМИКА ВАВИЛОВА»

Поворотным стало совещание 29 апреля¹⁰, на котором Рождественский предложил созвать пленарное совещание академи-

ков-физиков и высказал «предположение, что ак. Вавилов тоже заинтересован вопросом о физическом ин-те в связи с возможным его избранием директором ин-та. ...Необходимо привлечь ак. Вавилова, который, несомненно, сможет дать новое направление... Увеличение штата теоретиков нецелесообразно, надо главным образом усилить экспериментальную часть».

Ландау попытался спасти «теоретику», возразив, что «теоретическая физика в организуемом институте должна играть большую роль и не являться чем-то придаточным. ... это важно тем более, что она играет большую роль и для экспериментальной физики, примером чего может служить разработка вопроса о тонкослойной изоляции, которая проводилась без учета теоретических данных, в результате чего потрачено много средств, не давших никакого результата».

Присутствующие предпочли не заметить камень, бестактно брошенный в одного из академиком-экспериментаторов, хотя и сейчас историки помнят громкий и болезненный для Иоффе скандал по поводу его несостоявшегося триумфа в технике тонкослойной изоляции. Отповедь невоспитанному теоретику пришлось дать Рождественскому, который заявил, что в новом институте «теоретизация должна проводиться аналогично с другими институтами... Теоретики неправильно ориентируют свою работу, проводя ее вдали от экспериментаторов. Этот вопрос очень важен, и организация одного теоретического Ин-та недопустима».

Иоффе (имея основание для признательности) присоединяется к Рождественскому и «советует предложить ак. Вавилову переехать в Ленинград, чтобы занять пост директора Физического ин-та. Его привлечение чрезвычайно важно».

Начало конца гамовской предыстории ФИАна можно усмотреть в заключительной фразе обсуждения: «...иметь в виду ак. Вавилова, но не выносить сейчас окончательного решения, т. к. вопрос о кандидатуре ак. Вавилова на пост директора Физического ин-та ставится на данном совещании впервые».

Гамов присутствовал на совещании, но не выступал. Видимо, он быстрее Ландау понял, что битва за «теоретику» в АН СССР проиграна.

Нам осталось только узнать заключение С. И. Вавилова, дата которого — 7 мая 1932 г.— служит началом Вавиловского ФИАна:

«Не зная фактического состава, средств

¹⁰ Архив РАН. Ф. 204. Оп. 1. Д. 4. Л. 17—20.

Такими художник увидел Г. А. Гамова и А. Ф. Иоффе на Всесоюзной конференции по атомному ядру в сентябре 1933 г., за несколько недель до их отъезда на Сольвеевский конгресс.

На подобной упряжке Г. А. Гамов собирался в декабре 1932 г. пересечь границу в районе Хибинских гор. Но... узнал, что местные жители слишком тесно сотрудничали с НКВД. Рисунок Г. А. Гамова.

и предыдущих работ Физического института Академии, я предполагал отложить мое суждение о тематическом плане И-та, присланном мне, до поездки в Ленинград. К сожалению, поездка долгое время не могла состояться и я должен ограничиться сообщением следующих замечаний:

Проблемы и конкретные темы плана, касающиеся строения ядер, атомов и молекул в обычных и исключительных внутриядерных условиях являются, разумеется, важнейшими и интереснейшими вопросами современной физики и астрофизики и, конечно, эти же проблемы стоят на очереди многих европейских и американских фи-

зических институтов. Вместе с тем ограниченные работы Института исключительно столь трудными вопросами, естественно, ставят под сомнение выполнимость такого плана, особенно в течение года. Не зная состава и сил Института, я не берусь судить о количественной величине вероятности выполнения плана, но полагаю, что некоторое сокращение трудных принци-

На страницах этой брошюры А. Ф. Иоффе в очень сильных выражениях говорил о достижениях Г. А. Гамова, который к тому времени уже полгода провел за рубежом.

А. Н. Крылов и С. М. Вавилов на юбилейной сессии АН СССР в 1945 г.

альных тем и соответственное увеличение числа тем более конкретных и легких было бы желательным»¹¹.

Через полтора месяца Вавилов уже занимался организацией ФИАНа, а с 21 сентября он — вр. и. о. директора.

Оставался сотрудником ФИАНа и Гамов. Но неудача с Институтом теоретической физики и серия неудач с приглашениями за рубеж породили у него ощущение клетки, и даже не золотой. Он пытался выбраться из этой клетки летом 1932 г. на байдарке, зимой — на лыжах, но без успеха. Оставалось ждать.

ИЗ РОССИИ НАВСЕГДА

Клетку помог открыть Сольвеевский конгресс 1933 г., посвященный физике атомного ядра. Сольвеевский комитет, членом которого был Иоффе, наметил две кандидатуры от СССР: самого Иоффе и Гамова. Благодаря хлопотам Иоффе (!), на этот раз Гамов разрешили поехать.

Последним научным событием в СССР, в котором Гамов принял участие, была

I Всесоюзная ядерная конференция в сентябре 1933 г.

9 октября Гамов отправился в Брюссель. А после конгресса обратился в АН с просьбой: «Ввиду полученных мною приглашений принять участие в работах по строению атомного ядра в Радиовом И-те Парижского У-та и в Кавендишской Лаборатории Кембриджского У-та прошу разрешить мне отпуск без сохранения содержания сроком по 1 октября 1934 г.»¹²

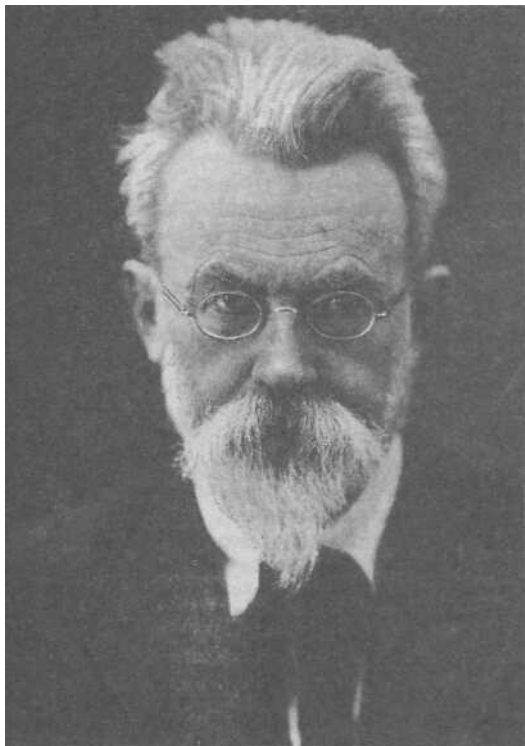
Вавилов поддержал эту просьбу, но руководство Академии сочло, что «крайний срок возвращения из командировки, включая и отпуск за 1934 г., не может быть отодвинут далее 1-го сентября».

Гамов старался вести себя как образцовый командированный, отправив 1 мая 1934 г. отчет о командировке, а также послал статьи в «УФН», в научно-популярный журнал «Сорена» и даже в газету «Известия».

Но в «большой просьбе» Гамова продлить его командировку еще на год было отказано. И 4 октября 1934 г. Вавилов был вынужден сообщить неперемennomу секретарю АН: «Ст. специалист Физического института Г. А. Гамов не вернулся из за-

¹¹ Там же. Ф. 204. Оп. 2. Д. 22. Л. 120.

¹² Там же. Ф. 2. Оп. 1—1937. Д. 575.

В. И. Вернадский.

П. С. Эренфест.

граничной командировки к крайнему установленному ему сроку 1 сентября с. г. Ввиду этого прошу об исключении его из списка сотрудников Института»¹³.

Российский период биографии Гамова вместил в себя крутое изменение в отношении государства к естествознанию. Тоталитарная власть, захватывая все новые сферы, добралась до естественных наук. Одним из проявлений этого стало нарушение контактов отечественной науки с мировой. Гамов эту перемену ощутил особенно отчетливо, когда его не пустили на I Международный конгресс по ядерной физике, куда он был приглашен сделать один из центральных докладов.

Другой стороной «социалистической науки» было установление централизованной, административной организации научной жизни. В этих условиях значительно усиливалось влияние немногих научных руководителей, стоящих достаточно высоко в научной иерархии. В 30-е годы эти руководители были в основном выдающимися учеными, преданными делу науки, «образованными» до революции, в условиях доста-

точной свободы науки. Но непомерное влияние даже их, в чем-то, естественно, ограниченных, позиций действовало порой негативно. Пример этого — Институт теоретической физики, рождению которого воспрепятствовали руководящие физики-экспериментаторы. Возможно, этот вывод кто-то сочтет спорным.

Как ни важны были для Гамова контакты с мировой физикой (естественно и плодотворно сложившиеся), быть может, еще важнее были условия для научной деятельности. Институт теоретической физики, задуманный Гамовым и его товарищами-коллегами, мог бы стать подходящим местом работы. Проект ИТЭФа был хорошо продуман, не требовал затрат, но... не соответствовал взглядам академиков-физиков на соотношение теории и эксперимента в физике. Однако Гамов, не понаслышке знающий об успешной работе институтов теоретической физики, скажем, в Геттингене и Копенгагене, имел право сомневаться в аргументации старших товарищей по Академии. А старшие товарищи слишком доверяли своему мнению, и хулиганность манер подрастающих академиков заслоняла для них действительный научный потенциал молодых, да ранних.

¹³ Там же.

Дело, впрочем, не только в разнице возрастов. Вот что записал в дневнике В. И. Вернадский 12 октября 1931 г.: «Интересный разговор с Д. С. Рождественским. Считает, что в науке пришло время «гениев», что сейчас — как муравьи — организации тысяч химиков вполне заменят крупнейших личностей. Что научное движение обезличивается.

Эта вера сейчас распространена среди коммунистов и в значительной мере определяет их отношение к науке. Среди физиков — благодаря крупным успехам и подбору лиц — это распространено довольно сильно.

Но это — экстраполяция, основанная на упрощении. Забывается организатор»¹⁴.

«ТАКИХ ЛЮДЕЙ ВСЕГДА НЕМНОГО»

Были в старшем поколении и достаточно зоркие люди, находящиеся, правда, несколько в стороне от центра событий. Таковым, например, был П. Эренфест — большой друг российской физики и многолетний друг Иоффе. Еще в 1928 г. Эренфест написал Иоффе по поводу намерения того собрать под свое крыло наиболее выдающихся российских физиков. Зная, что это намерение питалось самыми добрыми пожеланиями, Эренфест тем не менее предостерегал: «Эта огромная концентрация внушает мне чувство глубокого страха. ... Одним из смертельнейших ядов такой концентрации является то, что кучка постаревших людей владеет абсолютно всем. В лучшем случае это люди, которые в молодости сделали нечто совершенно выдающееся, но зачастую и этого не бывает. Жизнь молодежи становится тогда адом. Здоровое развитие она может получить лишь в децентрализованных местах... Это зло ужасно, потому что проявляется оно очень медленно.

...Станиславский удивительно хорошо понимал, насколько необходимо всем вызванным им к жизни разнообразным организациям создавать условия для независимого дальнейшего существования — после начального периода совместной работы. Генеральный организатор!»¹⁵.

И в 1932 г. Эренфест настойчиво убеждал Иоффе в том, что Ландау способен не только на хулиганство.

Судя по дальнейшим действиям Иоффе, он не оставил без внимания предостережения Эренфеста (когда способствовал возникновению новых научных центров «отпочкованием» от его ЛФТИ). Но сама тенденция к централизации, как мы видим, поддерживалась не только намерениями тотализирующей государственной власти, но и внутренними причинами советской науки.

Не менее ясно видел ситуацию В. И. Вернадский. Весной 1932 г. (когда уже обозначился тупик на пути к ИТЭФу) он писал: «Сейчас идет интенсивная работа в области выяснения строения ядра атомов. Это проблема, на решение которой сейчас направляется мысль физиков всего мира. В составе Радиевого института есть сейчас талантливые научные силы, в частности, молодой физик Г. Гамов, теоретические искания которого сейчас находятся в центре внимания мировой научной мысли. Гамов не один, но таких и не много. Наш Союз столько потерял талантливых, богато одаренной для научной работы молодежи, что необходимо вообще принять срочные меры для уменьшения этого несчастья и для предоставления настоящих условий работы оставшимся и нарастающим. Таких людей всегда немного, и создавать их мы не умеем. Одаренная для научной работы молодежь есть величайшая сила и драгоценное достояние человеческого общества, в котором она живет, требующая охраны и облегчения ее проявления. Надо учитывать это в каждом частном случае. Имея таких людей в Радиевом институте для такой важнейшей научной проблемы, надо дать свободный простор их работе»¹⁶.

Зная, какие усилия безуспешно прилагал Гамов, чтобы получить свободный простор для работы, легче понять его решение оставить родину.

Как отнесся Вернадский к решению Гамова? Несомненно, с горечью. Но вряд ли с осуждением. Сам В. И. Вернадский, являвший пример научной этики и гражданской позиции, писал в 1928 г.: «...ученый по существу интернационален — для него на первом месте, раньше всего, стоит его научное творчество, и оно лишь частично зависит от места, где оно происходит. Если родная страна не даст ему возможности его проявить, он морально обязан искать этой возможности в другом месте»¹⁷.

¹⁴ Вернадский В. И. Дневник 1931 года // Природа. 1990. № 6. С. 100.

¹⁵ Эренфест — Иоффе. Научная переписка. Л., 1973. С. 260—263.

¹⁶ Архив ГРИ. Ф. 315—1/1932. Д. 3. Л. 64.

¹⁷ ЦГАОР. Ф. 1698. Оп. 1. Д. 3. Л. 3. об.